

УДК 81'25

ОТНОШЕНИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО СООТВЕТСТВИЯ В ПЕРЕВОДЕ

Р.Дж. Абдрахманова

Рассматриваются межъязыковые соответствия, проявляющиеся в различных видах эквивалентных отношений, которые функционируют в широкой категории перевода – категории соответствия.

Ключевые слова: межъязыковые соответствия; категория соответствия; адекватность; эквивалентные отношения; инвариант; лакунизация; выразительные средства; стилистическая эквивалентность; денотативное значение.

RELATIONS OF INTERLANGUAGE CORRESPONDENCE IN TRANSLATION

R.Dj. Abdrakhmanova

This article studies relations of interlanguage correspondence in different types of equivalent relations used in such broadtranslation category as a category of correspondence.

Key words: interlanguage correspondence; category correspondence; adequacy; equivalent relations; invariant; lacunisation; expressive means; stylistic equivalence; denotative meaning.

Лингвистические сложности перевода с одного языка на другой объясняются особенностями семантики, синтактики и прагматики языковых выражений исходного языка (ИЯ) и переводящего языка (ПЯ). Достижение адекватности предполагает подбор эквивалентов переводчиком, который при строгом соблюдении норм ПЯ производит разнообразные межъязыковые преобразования, которые называются *переводческими трансформациями*.

С помощью трансформаций как способов перевода и собственно переводческих трансформаций на лексическом, морфологическом, синтаксическом, прагматическом уровнях переводчику удается в максимальной степени передать информацию, заключенную в исходном тексте, и определить межъязыковые соответствия в процессе перевода.

Адекватность, эквивалентность, переводческие трансформации, инвариант, лакунизация, переводческие стратегии – вот неполный перечень основных категорий перевода, которыми оперирует переводчик в своей переводческой деятельности. Переводческая эквивалентность связана с более широкой категорией перевода (как и вообще любого вида интерпретации) – *категорией соответствия*. Межъязыковые соответствия, проявляющиеся в различных видах грамматических, стилистических (эмотивных, метафорических), то есть всех выразительных средств языка), денотативных (лексико-семантических), референциальных (в том числе и прагматических) экви-

валентных отношениях, функционируют в этой категории перевода.

Эквивалентность является одним из критериев описания возникающего в переводе отношения соответствия. Другим критерием описания переводческого соответствия служит категория адекватности. Аспект эквивалентности включает формальные соотношения разноязычных текстов [исходный текст (ИТ) и переводной текст (ПТ)] на всех уровнях, включая отдельные образующие их элементы и структуры. Потенциально достижимая эквивалентность – максимальная общность содержания двух разноязычных текстов, допускаемая различиями языков, на которых созданы эти тексты. Переводческая эквивалентность – реальная смысловая близость текстов оригинала и перевода, достигаемая переводчиком в процессе перевода. Пределом переводческой эквивалентности является максимально возможная (лингвистическая) степень сохранения содержания оригинала при переводе, но в каждом отдельном переводе смысловая близость к оригиналу в разной степени и разными способами приближается к максимальной. Наиболее трудной в этом отношении является сохранение смысловой близости выразительных средств в межъязыковых соответствиях в ИТ и ПТ. Рассмотрим некоторые примеры передачи выразительных средств на немецкий язык в переводе повести А.С. Пушкина “Пиковая дама”: *Русск.-нем.* Ирония, парафраза – метонимическая парафраза: *Вы*

знаете, что он выдавал себя за вечного жида, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня и прочее [2, с. 10]. – *Sie wissen, daß er sich für den ewigen Juden, der Erfinder des Lebens-Elixiers, den Entdecker des Steins der Wissen, und wer weiß was noch, ausgab* [2, с. 11]. Вводные слова “Вы знаете” выступают как средства выразительности, которые усиливают тонкую и скрытую насмешку, облеченную в последующих парафрастических словах и выражениях “выдавал себя за вечного жида, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня”. В немецком актуализирована сема ‘Juden – еврей’, и в данном случае мы видим явление “эквивалентность при существовании различия” [“equivalence in difference” (Роман Якобсон)]. Не эквивалентные в денотативном плане единицы лексического значения в контексте оказались адекватными. При переводе на немецкий нарочитость положительной характеристики в виде тонкой насмешки, уступает место более экспрессивному, эмоциональному компоненту “den Entdecker des Steins der Wissen – открывателя”, “wer weiß was noch – кто его знает, еще за кого”, который приводит к метонимическому сдвигу парафразы.

Русск.-нем. Метафорическая аллегория – Метафорическая аллегория: *Горек чужой хлеб, говорит Данте, и тяжелы ступени чужого крыльца; а кому и знать горечь зависимости, как не бедной воспитаннице знатной старухи?* [2, с. 24]. – *Fremdes Brot schmeckt bitter, sagte Dante, und schwer ist es, Stufen zu ersteigen, die zu einer fremden Tür führen. Wer aber mochte wohl das Bittere der Abhängigkeit besser kennen als das arme Pflegekind dieser vornehmen Greisin?* [2, с. 25]. Выразительные средства имеют двойные “наслоения”, т.е. метафора + аллегория. Так, отвлеченная идея рабской покорности бедной воспитанницы в переводе передана как лексическими, так и синтаксическими средствами: разбиение предложения на два предложения вызвано стилистическим требованием. Изменение синтаксической структуры предложения необходимо для смыслового выделения и уточнения содержания, а также для передачи значений эмоционально насыщенной лексики.

Русск.-нем. Олицетворение (персонификация) – Олицетворение + эвфемизм: *Сколько раз, оставя тихонько скучную и пышную гостиную, она уходила плакать в бедной своей комнате ...* [2, с. 29]. – *Wie oft verließ sie heimlich den langweiligen, prunkvollen Saal, um in ihrem ärmlichen Zimmerchen zu weinen ...* [2, с. 29]. В контексте речь идет о балах, которые давались в этом доме, но воспитанница Лизавета Ивановна не удостоивалась вниманием ветреных повес, которые крутились рядом

с богатыми невестами. На немецкий передан весь смысл выразительного средства (олицетворения), где гостиная выступает в роли светского общества, члены которого тщеславны, скучны в своих пышных нарядах. Сохранен и оксюморон, как фигура речи в контексте всего предложения, соединивший в себе две противоположные, антонимические понятия в словосочетаниях: пышная гостиная (prunkvoller Saal) – в бедной комнате (im ärmlichen Zimmerchen), существительное с суффиксом –chen выражает в этом контексте через уменьшительный суффикс прикрытую и смягченную характеристику убожества каморки (эвфемизация). Или еще: Русск.-нем. Метонимия + персонификация: *Шубы и плащи мелькали мимо величавого швейцара* [2, с. 34]. – *Pelze und Mäntel eilten schnell an dem aufgeblasenen Portier vorbei* [2, с. 37]. Русск.-нем. Сравнение – сравнение: *Герман трепетал, как тигр, ожидая назначенного времени* [2, с. 46]. – *Herman zitterte und bebte wie ein Tiger, die festgesetzte Zeit erwartend* [2, с. 47]. Русск.-нем. Метафорическое олицетворение – демегафоризация: *Окна померкли* [2, с. 48]. – *Die Fenster wurden dunkel* [2, с. 48]. В переводе на немецкий язык мы наблюдаем явление демегафоризации. Русск.-нем. Синекдоха – синекдоха. *Черты ее изобразили сильное движение души* [2, с. 56]. – *Ihre Züge drückten eine heftige Gemütsbewegung aus* [2, с. 57]. Синекдоха – троп, состоящий в замене названия целого названием какой-либо его части, сохранен в переводе. Передача этого тропа усиливает эмоциональную окраску передаваемой ситуации.

В теории перевода довольно полно освещены проблемы соотношения адекватности и эквивалентности [3, с. 7]. Как известно, адекватность является центральной проблемой перевода, так как она тесным образом связана с инвариантностью значения в переводе. Отношение адекватности к эквивалентности выражается в ориентации обоих сопровождающих процесс перевода категорий на *процесс* и *результат*. Эквивалентность приводится всегда в соответствие с поставленными требованиями инвариантности, поскольку она подлежит ориентированному на процесс языковому изменению, в то время как адекватность является результатом сохранения инвариантности эквивалентных отношений между отдельными лексическими единицами [4, с. 95]. Адекватность как идеальное представление об оптимальном приближении проявляется одинаково на всех уровнях переводимого текста без каких-либо дифференциаций между этими уровнями. Как абстрактное понятие адекватность применима при общей оценке всего текста с ИЯ на ПЯ. Адекватность является результатом, оценкой построенных эквивалентных отношений, согласно которой при-

нимаются решения об их построении, то есть о применении определенных переводческих стратегий. Адекватностью и неадекватностью определяется значимость сравниваемых языковых знаков через представления, вызываемыми ими, то есть через межъязыковые соответствия. Поэтому адекватность, в отличие от эквивалентности, является ориентированной как на процесс, так и на результат, в то время как эквивалентность ориентируется только на *процесс*. Вследствие чего, она является категорией, находящейся в подчинении у адекватности. Эквивалентность является процессом, который происходит в рамках языковой системы и направлен на изменение структуры значения в переводе, зависящей от локализации этого значения в данной системе. Безупречная передача интенций автора, его чувств, эмоций, дополнительных ассоциаций, которые вызывает слово в сознании носителей данного языка, то есть коннотативного значения, соответствующие краскам подлинника, "...все это нередко достигается иными средствами, чем в подлиннике, не формальной точностью, но глубинной верностью каждому оттенку мысли, чувства, действия, характера и в конечном счете – стиля" [5]. Ср. некоторые примеры из перевода В.М. Топер "Фиесты" ("И восходит солнце") Э. Хемингуэя. Так, начинающие переводчики, возможно, перевели бы предложения со вспомогательными глаголами "быть", "иметь" буквально: *there were rollers* – "тут были волны" в следующих отрезках предложений: "Although the tide was going out, *there were* a few slow rollers. They came in like undulations in the water, *gathered weight of water*, and then broke smoothly on the warm sand". В переводе Веры Максимовны Топер: "Несмотря на отлив, изредка *подкатывали* медленные волны. Появлялась легкая зыбь, волны *тяжелели* и плавно набегали на теплый песок". Возможны были бы и такие буквальные переводы: песок арены *был* гладко укатанный *и* желтый – в переводе: "желтеет укатанный песок арены"; Белые (бумажные, *white-paper*) объявления уже *были* (оставались) на колоннах – в переводе: "Объявления ... еще белели". "Зашли в ресторан. *In was full of smoke and drinking and singing*" – дословно "он был полон (или – там было полно) дыма", "выпиванья, пения", имеется в виду не только песни, но вообще шум. Перевод: "Было *дымно, пьяно и шумно*" [5].

Эквивалентными являются значения с одинаковой денотативной структурой. Денотативная структура может в разных языках изменяться контекстуально. Чтобы достичь такой же значимости, такой же позиции в системе ПЯ, прибегают к изменению денотативной структуры значения ИЯ, основывающемся на принципе адекватности. Решающим при определении денотативной

структуры значения является его отношение к денотату через понятие. Например, при передаче *der Hase* происходит сдвиг денотативного значения слова в нижеследующих контекстах: *der Hase* – заяц; *aber: der Osterhase ist ein Ostereisymbol* – 1. *Hase*, *der Ostereier legen und verstecken kann; häufig mit einem Korb voller bunter Eier auf dem Rücken dargestellt* (bereits 1638 als Brauch nachgewiesen); 2. *Hase* als Symbol reicher Nachkommenschaft (Fruchtbarkeitstier), ähnlich wie Huhn, Küken, Yahn, Lamm; 3. In der letzten Zeit wird gelegentlich auch von "Löffelina", der Osterhasenfrau, gesprochen. Ср. пословицы и поговорки со словом "der Hase": *Viele Hunde (Füchse) sind des Hasen Tod*. – Где много гончих, там зайцу смерть. 2. *Wir werden ja sehen, wie der Hase läuft*. – Поживем – увидим (wir werden ja sehen, wie die Sache sich entwickelt). 3. *Da liegt der Hase im Pfeffer*. – Вот где собака зарыта (darin liegt die Schwierigkeit). 4. *Er ist kein heuriger Hase mehr*. – Он уже не маленький (Er ist kein Neuling mehr). 5. *Dort, wo sich die Hasen und die Füchse gute Nacht sagen*. – У черта на куличках (на рогах) (an einem abgelegenen Ort auf dem Lande). 5. *Alter Hase*. – Старый опытный (бывалый) человек = стреляный воробей. 6. *Falscher Hase*. – Мясной рулет (Hackbraten = eine Speise) [1, с. 50]. Они являются эквивалентными, так как совпадают по значению на уровне содержания. Их можно назвать адекватными, так как они являются одинаковыми или равнозначными по своей прагматике, что затрагивает сферу контекста. Принятие адекватного решения при построении эквивалентных отношений обусловлено мотивированностью. Адекватными, но все же не эквивалентными, являются, например, слова *Grünschnabel* (зеленый клув) и *молочкосос*. Слова имеют разные денотативные структуры значения, но у них одинаковая контекстуальная значимость. Эквивалентное отношение является в данном случае адекватным. Компенсация речевой лакуны возможна, поскольку оба слова одинаковы или равнозначны в их *tertium comparationis*. Лексемы имеют одинаковый или равнозначный коннотативный (прагматический) эффект и одинаковую контекстуальную значимость в обоих языках.

Эквивалентным отношением называется процесс адекватной, мотивированной замены лексических значений, происходящей путем применения переводческих стратегий. Построение отношений эквивалентности происходит при условии сохранения требований инвариантности, т.е. функционально-коммуникативной значимости переводимого высказывания. Функциональная или коммуникативная эквивалентность характеризуется как инвариант перевода. Раскрытие инвариантного содержания про-

исходит путем установления языковых функций, а также структуры денотативного значения, в которой языковые функции играют решающую роль. Оба аспекта называются функциональными доминантами [4, с. 68]. Категориальные рамки оценки перевода – эквивалентность, инвариантность и адекватность – составляют суть перевода.

Стилистическая эквивалентность – один из видов переводческой эквивалентности, близкий к коммуникативной, прагматической и функциональной эквивалентности, поскольку все эти виды эквивалентности связаны с понятиями: 1) коммуникативного акта и его компонентов – отправителя, текста, получателя; 2) коммуникативного эффекта, образующего триаду с двумя другими понятиями – коммуникативной интенции и функциональных параметров текста. Исходя из цели коммуникации, отправитель создает текст, отвечающий определенным функциональным параметрам (референтному, экспрессивному и др.) и вызывающий у получателя определенный коммуникативный эффект, соответствующий данной коммуникативной цели. Как коммуникативная, так и стилистическая эквивалентность предполагает максимально возможную верность концептуальной программе автора исходного текста и приемлемость переводного текста в принимающей культуре.

Отсутствие полной корреляции между эквивалентами может быть эмоционально-экспрессивного (коннотативного, стилистического) характера, когда эмоционально-экспрессивный компонент информативного объема слова оригинала и перевода не совпадает. Ср. из Айтматова Ч.Т. “Верблюжий глаз”: *Океанской волной, с диким гиканием и ревом неслась конница кочевников с пиками и знаменами наперевес* [6, с. 568]. – *Wie eine Meereswoge sprengten Nomadenreiter mit wildem Feldgeschrei heran, die Lanzen gefällt, die Fahnen gesenkt* [6, с. 226]. Эмоционально-экспрессивный компонент информативного объема лексем в ИЯ и ПЯ не совпадает, ср: океанской волной – морской волной; гиканием и ревом – животный крик; наперевес – упавшими, опущенными.

У неполных эквивалентов со стилистическими несовпадениями семантическая информация равнозначна. Именно поэтому эти эквиваленты подыскиваются в синонимическом ряду, составленном из так называемых стилистических синонимов, под которыми обычно подразумевают слова, имеющие один и тот же денотат, но отличающиеся экспрессивно-эмоциональной окраской.

Полная невозможность найти какое бы то ни было соответствие слову подлинника, явление безэквивалентности в чистом виде, встречается относительно редко. Она может обозначать местное явление,

которому нет соответствия в быту и в понятиях другого народа. Тогда дается калькирование, транскрипция или дается описательный перевод. Примеры из перевода на немецкий язык повести А.С. Пушкина “Пиковая дама”: “*Что ты, мать моя! глуха, что ли?*” – *закричала графиня* [2, с. 20]. – *Was ist mit dir los, mein liebes Kind? Bist du taub? – schrie die Gräfin* [2, с. 20]. “*Учнеешь, матушка. Сиди здесь ...*” [2, с. 22]. – “*Das hat noch Zeit genug, mein Kind. Setzt dich hierher*” [2, с. 23]. *Изредка тянулся ванька на тощей кляче своей, высматривая запоздалого ездока* [2, с. 46]. – *Von Zeit zu Zeit nur schleppte sich ein Wanja (ein Droschenkutscher) mit seinem elenden Klepper vorüber und hielt Ausschau nach einem verspäteten Fahrgast* [2, с. 47].

Лингвотнический барьер, возникающий в виде расхождений национально-культурно обусловленных факторов ценностной ориентации в двух культурах и языках, может быть в какой-то степени “возмещен” в переводе *комментариями и примечаниями* переводчика: *Деньги – вот чего алкала его душу* [2, с. 67]. – *Geld – also danach lechzte seine Seele* [2, с. 68]. Комментарии к слову алкать представлены переводчиком в специальном разделе в конце книги в виде синонимических рядов: *hungern, heißhungrig sein, dürsten, verlangen, trachten* (nach Ruhm, Reichtum etc.). Hier: *Деньги – вот чего алкала его душу: – Geld – also danach lechzte seine Seele*. Если языковая система представляет собой совокупность всех реальных и абстрактных возможностей функционирования языка, а языковая норма – совокупность реальных аналогичных возможностей, то узус представляет собой уже совокупность тематико-ситуативных правил употребления языка. Нарушение узуса разрушает представление об аутентичности, естественности речи, лишает ее идиоматичности. Несоблюдение узуса в переводе противоречит требованию коммуникативно-функциональной эквивалентности в межязыковых соответствиях. Так, например, несовпадение узусов носителей ИЯ и ПЯ в переводе с русского языка проявляется в передаче манеры разговора героев: “*Кстати, я чай, она уж очень постарела, княгиня Дарья Петровна*” [2, с. 16]. – “*Übrigens, sie ist wohl schon recht gealtert, die Fürstin Darja Petrowna?*” [2, с. 17]. Содержание узуальных значений единиц исходного языка с модальным оттенком возможности перераспределено в переводе на немецкий язык на несколько единиц в переводящем языке: а) “... – *Вели скорей закладывать карету*” – “*Laß schnell anspringen!*”. “*Может статься, порошковые карты?*” – “*Vielleicht präparierte Karten?*”; б) “... *Что же говорил вам Герман ... или как бишь его?..*” – “*Was sagte Ihnen denn dieser Hermann, oder wie heißt er doch gleich?*” [2, с. 12–13]. В переводе произошла

нивелировка идиоматичности речи через нейтральное “... *wie heißt er doch gleich?* – ... *как же его звали?*”. В приведенных примерах *перераспределяемое содержание* претерпевает определенные качественные изменения.

Таким образом, отношения межъязыкового соответствия в переводе определяются в широкой категории перевода – категории соответствия. Межъязыковые соответствия (грамматические, стилистические, лексико-семантические, прагматические), проявляющиеся в различных видах эквивалентности, основываются на отношениях, условием которых является сохранение инвариантности, функционально-коммуникативной значимости переводимого высказывания.

Литература

1. *Абдрахманова Р.Дж.* Теория перевода (немецкий язык): учебно-метод. пособие / Р. Дж. Абдрахманова. Бишкек: КРСУ, 2007. 64 с.
2. *Пушкин А.С.* “Пиковая дама” из двуязычной серии ЭГИСА / А.С. Puschkin. Pique – Dame. // AEGIS-Verlag Ulm. 1947. AEGIS – Zweisprachenreihe. № 13. Deutsch von A. Alexander. 120 S.
3. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода: лингвистические аспекты / В.Н. Комиссаров. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. М.: Наука, 1988. 364 с.
5. *Галь Н.Я.* Слово “живое” и “мертвое”: От “Маленького принца” до “Корабля дураков” / Н.Я. Галь. 5-е изд., доп. М.: Междунар. отношения, 2011. 368 с.
6. *Айтматов Ч.Т.* Повести / Ч.Т. Айтматов. Фрунзе: Кыргызстан, 1971. 620 с.; *Aitmatov T.* Goldspur der Garben. Erzählungen. Berlin: Verlag Kultur und Fortschritt, 1964. 438 S.
7. *Латышев Л.К.* Технология перевода / Л.К. Латышев. М.: Академия, 2008. 320 с.